

RU

Ностальгический подтекст рассказа Ивана Бунина «Святочный вечер»

Богданова О. В., Лю Миньцзе

Аннотация. Статья посвящена анализу переводного рассказа Ивана Бунина «Святочный вечер» (1931), вошедшего в цикл «Провансальские пересказы». Исследование предпринято с целью осмыслить роль фольклора в формировании поэтического мира бунинского текста, созданного как перевод (точнее «пересказ») новеллы французского писателя Фредерика Мистрала (1830-1914), нобелевского лауреата (1904). Авторы работы выявляют основные причины, которые заставили Бунина обратиться к чужому фольклору, к народному эпосу Прованса, определяют скрытые интенции, двигавшие писателем при создании переводного текста. В частности, авторы обращают внимание на тенденцию диффузии в «пересказе» Бунина и устанавливают знаки внедрения в провансальский текст мотивов и речестилевых формул русского фольклора. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проанализирован рассказ «Святочный вечер», который прежде не привлекал внимания критиков, и впервые интерпретирована модальная установка автора переводного рассказа. В результате доказано, что мотивом обращения Бунина к чужому для него фольклору юга Франции стал не смысловой пласт народных записей Ф. Мистрала, а ностальгические чувства, которые будил в душе прозаика фольклор Прованса, способствовавший возрождению в сознании автора и его читателей-эмигрантов воспоминаний о святочных игрищах покинутой родины России. Показано, что знание Буниным основ и принципов русского фольклора помогло писателю, с одной стороны, сохранить самобытность мистралевского народного собрания, с другой - привнести в «чужой» переводной текст дополнительные ностальгические интенции.

EN

Nostalgic Subtext of Ivan Bunin's Short Story "Yule Evening"

Bogdanova O. V., Liu Minjie

Abstract. The paper is devoted to the analysis of Ivan Bunin's translated short story "Yule Evening" (1931), which was included in the cycle "Provençal Tales Retold". The research is undertaken in order to comprehend the role of folklore in the formation of the poetic world of the Bunin text created as a translation (more precisely, a "retelling") of a novella by the French writer Frederic Mistral (1830-1914), Nobel laureate (1904). The authors of the paper identify the main reasons that forced Bunin to turn to foreign folklore, to the folk epic of Provence, determine the hidden intentions that influenced the writer when creating the translated text. In particular, the authors pay attention to the tendency of diffusion in Bunin's "retelling" and identify the signs of introduction of motifs and speech-stylistic formulas of Russian folklore into the Provençal text. The study is novel in that it is the first to analyse the short story "Yule Evening", which has not previously attracted critics' attention, and to interpret the modal attitude of the author of the translated short story. As a result, it has been proved that the motive for Bunin's turn to the folklore of southern France, which was foreign to him, was not the semantic layer of F. Mistral's folk records, but the nostalgic feelings that the folklore of Provence awakened in the prose writer's soul, conjuring up memories of the Yuletide merry-making of the abandoned Russian homeland in the author's mind and that of his emigrant readers. It has been shown that Bunin's knowledge of the basics and principles of Russian folklore helped the writer, on the one hand, to preserve the identity of Mistral's folk collection, on the other hand, to bring additional nostalgic intentions to the "foreign" translated text.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления переводного рассказа И. Бунина «Святочный вечер», вошедшего в цикл «Провансальские пересказы» (1931) и созданного как перевод («пересказ») новеллы французского писателя Фредерика Мистрала (1830-1914), нобелевского лауреата (1904). Сопоставительный анализ первоисточника и переводного произведения актуализирует новые смыслы текста, позволяет осознать причину обращения русского писателя-эмигранта к «чужому» для него фольклору юга Франции.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть причины ослабленности (редукции) персонажной системы рассказа и выявить основные доминанты фольклорной основы текста, во-вторых, проследить приемы создания «переводной стилистики» рассказа и актуализировать влияние русского фольклора на западноевропейский образец, в-третьих, проследить модальную установку автора и особенности структурной организации «свободного» текста-пересказа.

Для осуществления поставленных задач используются следующие методы исследования: метод целостного анализа художественного текста, а также типологический и поэтологический методы в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани творческого своеобразия переводных рассказов И. Бунина и объяснить причины обращения художника к инациональному фольклору.

Материалом исследования послужили прозаическое творчество И. Бунина, цикл «Провансальские пересказы», в частности перевод рассказа Фредерика Мистрала «Святочный вечер», а также воспоминания его жены В. Н. Муромцевой-Буниной: Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. / сост., подгот. текста и комм. О. Михайлова. М.: Мир книги; Литература, 2005. Т. 2. Повести и рассказы. 1920-1950; Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / сост. и примеч. А. К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1989; Муромцева-Бунина В. Н. Н. П. Смирнову. Письмо 30 января 1959 г. // Новый мир. 1969. № 3. К работе привлечены материалы словаря по славянскому фольклору «Славянские древности: этнолингвистический словарь» (в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4), а также «Новый французско-русский и русско-французский словарь» (НФРФС / сост. О. В. Раевская. М.: Русский язык, 2003).

Теоретической базой работы послужили труды по истории русской литературы конца XIX – начала XX века и вопросам своеобразия «малой» прозы И. Бунина – Л. А. Колобаевой (1990), О. В. Сливичкой (2004), Т. В. Марченко (2010), Р. С. Спивак (2010), О. В. Богдановой (2021).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его аналитические суждения, текстологические наблюдения, результаты и выводы могут быть использованы при дальнейшем научном изучении истории русской литературы и прозаического наследия И. Бунина, могут быть включены в общие и специальные курсы по истории русской литературе XX века в вузовском и школьном преподавании.

Основная часть

История создания переводного рассказа «Святочный вечер»

Как известно, оказавшись в эмиграции во Франции, Иван Бунин знакомился с жизнью и бытом французов не только посредством живого общения, но и черпая сведения из современной ему французской литературы. Так, по свидетельству жены писателя В. Н. Муромцевой-Буниной (1989), историю любимого Буниным Прованса, где они поселились в 1923 году, писатель тщательно изучал по трудам Фредерика Мистрала (1830-1914), французского новеллиста, поэта, фольклориста, лингвиста, Нобелевского лауреата 1904 года (Ястребова, 2014, с. 308-314). Словарь окситанского (= провансальского) языка, подготовленный Ф. Мистралем, служил Бунину важным подспорьем в работе с языком провинции, опорой в его поэтических и прозаических опытах эмигрантского периода.

Произведения Ф. Мистрала были хорошо известны русскому читателю (вероятно, и И. Бунину тоже) еще в дореволюционной России – особенно популярна в России начала XX века была так называемая «сельская поэма» *Mireio* (в переводе на русский язык – Мирея, Мирей или Мирейо). Переводами из поэмы Мистрала и из других его произведений занимались И. Анненский («Магали» из поэмы «Мирея»), Н. Кончаловская (поэма «Волшебство и трудолюбие»), Ф. Сологуб («Мирея»), В. Жаботинский («Магали» и др.), П. Сухотин (стихи и проза), А. Сушкевич («О творчестве Ф. Мистрала») и др. (Ястребова, 2014). По утверждению А. Ф. Строева (2020, с. 211), живя в Грассе, Бунин стал «горячим поклонником» Ф. Мистрала.

Один из самых известных трудов Ф. Мистрала – сборник «Истоки моей жизни» (“*Mes origines. Mémoires et récits*”). Р.: Plon, 1906; Félibrige. URL: <http://www.felibrige.org/>), включавший воспоминания писателя и собранные им народные легенды и предания различных регионов Прованса, записанные в среде носителей окситанского диалекта, знатоков и хранителей фольклорных сказаний, баллад, анекдотов. Собранные по инициативе Ф. Мистрала членами сообщества фелибристов (Ж. Руманиль, Т. Обанель, А. Матьё, Ж. Броне, П. Джира, А. Таван) фольклорные материалы приравнены знатоками к *национальному эпосу* Прованса. Именно поэтому на фасаде дома, где жил и работал последние 30 лет своей жизни Ф. Мистраль, укреплен мемориальный постамент с надписью: «Мы говорим – Мистраль, как говорим – Гомер» (Поэты-лауреаты Нобелевской премии / ред.-сост. О. Жданко. М.: Панорама, 1997. С. 441).

Уже после смерти Ф. Мистрала, в 1929 году, популярное издание, созданное в опоре на фольклор Прованса, было переиздано. Нетрудно понять, что именно «Истоки моей жизни» Ф. Мистрала и послужили толчком к появлению ряда необычных и неординарных рассказов И. Бунина, созданных в 1930-е годы.

Цикл «Провансальские пересказы»

Так, в 1931 году в парижской газете «Последние новости» был опубликован цикл рассказов И. Бунина «Провансальские пересказы» (Бунин И. А. Провансальские пересказы // Последние новости. 1931. № 3577. 3749. 3929. 7 января. 28 июня. 25 декабря), которые представляли собой не оригинальные художественные тексты, а «вольные» перепевы-пересказы фольклорных записей Ф. Мистрала, переведенные и переработанные русским писателем.

«Провансальский цикл» И. Бунина включал в себя шесть рассказов – «Звезды», «Мэтр всех мэтров», «Тарас-кон», «Юный пилигрим», «Волхвы», «Святочный вечер», содержательную основу которых составили народные сказания, былички, анекдоты из числа собранных Ф. Мистралем «провансальских легенд». Между тем избранный для анализа рассказ «Святочный вечер» интересен не только тем, что Бунин опирался на фольклор Прованса, но и тем, с какой целью писатель обратился к этому материалу, как (пере)осмыслил его.

Следует оговорить, что, скорее всего, сам И. Бунин не очень высоко ценил названные рассказы – ни в один из сборников 1930-х годов они не вошли, не были включены и в «Собрание сочинений» 1934-1936 годов, к их доработке писатель никогда после газетной публикации не возвращался (хотя известна тщательность стилистической правки Бунина).

В. Н. Муромцева-Бунина (1969) в письме к Н. П. Смирнову о цикле «провансальских рассказов» сообщала: «Провансальские пересказы», по правде сказать, он [Бунин] писал из-за денег для газеты, когда мы были очень бедны перед Нобелевской премией...» (с. 211). Однако согласиться, что рассказ «Святочный вечер» (как и другие провансальские рассказы) был написан только «ради денег», вряд ли возможно – наверняка материал Ф. Мистрала чем-то оказывался близок Бунину.

Если к рассказу «Юный пилигрим», вошедшему в бунинский цикл «Провансальские пересказы», современная критика уже обращалась (Богданова, Лю, 2022; Строев, 2020; Ястребова, 2014), то рассказ «Святочный вечер» обойден вниманием, ни одной критической статьи об этом тексте нет. Единственного упоминания рассказ «Святочный вечер» удостоился в предисловии к «Провансальским пересказам», где специалист по старофранцузской литературе и переводчик с французского В. А. Дынник (1931), сравнивая оригинал и переводы, сообщала: «“Святочный вечер” – это в полном смысле пересказ. Бунин не переводит, а именно пересказывает чудесные истории одного из мистралеvских персонажей. Однако при всей своей свободе этот бунинский пересказ... великолепно передает и сюжет, и, главное, дух оригинала» (с. 108).

Возникают вопросы: чем привлек И. Бунина «дух оригинала»? Почему писателю были интересны «чудесные истории» французского фольклора? Почему «Святочный вечер» единственный среди шести провансальских рассказов представляет собой «свободный» пересказ? Ответы на эти вопросы позволяют лучше понять неотрелексированный критиками редкий бунинский текст, его внутренний контент и его значение для писателя.

Поэтологические особенности рассказа «Святочный вечер»

В основе сюжета короткого рассказа И. Бунина (2005, с. 436–438) – ситуация святочного вечера, когда не контурированные персонажи обмениваются историями, случившимися в канун святок. Профилей героев в рассказе по существу нет – звучат только их голоса, неслучайно оформление текста сугубо диалогическое – реплики говорящих не сопровождаются даже самым кратким, минимальным комментарием, но отделены друг от друга графически, абзацными тире (–).

В композиционном плане весь рассказ – это пять мини-историй, следующих одна за другой. Образ нарратора (автора или рассказчика) редуцирован. Собственно сюжетной канвы, кроме как смены святочных историй, нет. Композиция разряжена, фабула делокализована.

Персонажи-рассказчики анонимны. Единственным словесным маркером, способным дифференцировать одного или другого рассказчика, становится не субъект говорения, а объект самой истории – Белая Курица, Черная Свинья, Черная Кобыла, Черные Кошки, домовые. Можно положиться на суждение В. А. Дынник (1931), что И. Бунин следовал «сюжету» Ф. Мистрала, и принять, что все пять «героев» рассказа действительно мистралеvские.

Аmplифицированное однообразие названия «героев» (*Черная Свинья, Черная Кобыла, Черные Кошки*) – еще одно доказательство «зависимости» бунинского текста от Ф. Мистрала. Можно предположить, что если бы И. Бунин выдумывал собственных персонажей, то его эпитеты оказались бы разнообразнее (хотя бы в именовании).

Следование И. Бунина за провансальским фольклором маркировано и лексически – в речи «невидимых» героев звучат галльские топонимы (Драгиньян, Верхние Альпы), речевые католицизмы (Иисус Мария! Святой Иосиф!), форма обращения (наряду с «господа» – «мосье»).

Жанр пересказа, избранный И. Буниным для «Святочного вечера», позволяет указать на особую черту рассказа – на связь не только с французским претекстом, но и с русской фольклорной и литературной традицией, с национальной ментальностью и личными воспоминаниями художника. Речь о том, что Орловщина в средней полосе России всегда отличалась яркими традициями святочных гуляний, свидетелем которых, несомненно, в юности оказывался и Бунин.

Этнограф С. В. Максимов (2013) еще в XIX веке отмечал, что Орловский край богат обычаями древности и значительно превосходит в этом плане северные губернии: «Архаическая старина, вера в мифических существ и духов природы сохранилась здесь повсеместно» (с. 457). Ученый связывал эту особенность с историей давнего заселения центральных земель европейской части России и с достаточно поздним влиянием христианства на племена, издавна жившие на этих территориях.

По наблюдениям В. В. Белозеровой (2005), именно зимние праздники на Орловщине представляли собой «невероятное событие», когда в течение двенадцати святочных дней – «от звезды и до воды» (то есть от Рождества до Крещения) – местные жители «веселились “с вечера до утра”» (с. 169-173). Соблюдение строгого поста накануне крещенского сочельника и сам праздник Крещения, которым завершались Святки, с традиционным освящением воды (крещенские колодцы) способствовали очищению участников святочных гуляний от грехов,

преднамеренных или случайных. Распространение святочных гуляний было повсеместным – потому с уверенностью можно предположить, что и И. Бунин, несомненно, был свидетелем подобных святочных игрищ.

Когда же в случае с Ф. Мистралем И. Бунин подвергает провансальские записи не переводу, но пересказу, то есть когда он свободен в их изложении и частичном варьировании, то в такой ситуации – вольно или невольно, в большей или меньшей степени – он сближает французский источник с теми впечатлениями, которые были памяты ему с ранней юности. Писатель словно бы перемещает события из Франции в Россию, переносит их в далекий Орловский край, в фольклорную Русь, памятную ему и его читателям-эмигрантам.

Система рассказчиков в текстах Ф. Мистрала и И. Бунина

Как было отмечено выше, В. А. Дынник (1931) видит в структуре прототипического французского текста только «одного из мистралевских персонажей» (с. 108). И это может быть именно так, поскольку в реальности Ф. Мистраль осуществлял так называемые «полевые» записи, и тогда его интервьюируемым действительно, как правило, был только один человек. Однако в пересказе И. Бунина уже само название – «Святочный вечер» – моделирует в русском сознании ситуацию вечерних «посиделок», на которых традиционно на Руси всегда собиралось много людей, несомненно, значительно больше, чем один или два. Потому в тексте Бунина (2005) актуализируется диалогическая (полилогическая) ситуация, когда один из рассказчиков обращается к слушателям: «А про Черных Кошек кто, господа, знает?» (с. 437). Заметим, обращение *господа* используется говорящим во множественном числе, то есть явно ориентируя читателя-реципиента на многоголосие (множественность) участвующих.

Другими словами, уже на уровне воссоздаваемой – пересказываемой – ситуации И. Бунин отходит от модели записей Ф. Мистрала, но заставляет художественно вообразить знакомую соотечественникам обстановку святочных русских вечеров и «страшных» историй этой колдовской зимней поры.

Характер выстраивания нарративной стратегии рассказа И. Бунина таков, что его «святочный» вечер как будто бы не имеет начала и конца – он длящийся, продолжающийся, непрерывный, как и в древности – охватывающий несколько дней.

Текстуальная интеракция обеспечивается сменой рассказчиков.

Первый рассказчик обращается к слушателям:

«– А в наше время много всяких удивительных вещей случалось!» (Бунин, 2005, с. 436).

Зачин рассказа сформирован таким образом, что создается впечатление, что первая история – это не начало, а продолжение вечера (= вечеров) страшных святочных историй, словно бы рассказчик подхватывает нить разговора, возникшего до него. Более того, эффект вовлеченности в происходящее задается личным, субъективным опытом рассказчика – он предлагает историю-*быль*, произошедшую если не с ним, то с его «родной теткой» (Бунин, 2005, с. 436) или «моим [его] дядей» (Бунин, 2005, с. 437), или с кем-то из ему (непрерывно) знакомых людей.

Второй рассказчик словно бы подхватывает беседу, предлагая новый поворот:

«– А то мы, бывало, часто говорили об этой страшной Черной Свинье...» (Бунин, 2005, с. 436).

Третий невидимый повествователь заводит речь о кобыле, сохраняя принятую в святочные вечера манеру:

«– А то могу рассказать вам еще о Черной Кобыле» (Бунин, 2005, с. 437).

Четвертый:

«– А про Черных Кошек кто, господа, знает?» (Бунин, 2005, с. 437).

И только пятый собеседник использует иную форму наррации:

«– Затем – домовые. О них всякому известно...» (Бунин, 2005, с. 437).

Заметим: каждый из рассказчиков обязательно использует личные местоименные формы – *мы, моя, наше*. И одновременно – *всякий, каждый*, привнося надличностный момент, делая историю *моей* и *всеобщей*, личной и типичной.

Обращает на себя внимание многоточие, завершающее первую и четвертую историю (Бунин, 2005, с. 436, 437), словно бы указывающее на *протяженность* и возможное *продолжение* рассказа, который не имеет (может не иметь) конца. Восклицательные знаки во второй, третьей и пятой историях (Бунин, 2005, с. 437, 437, 438), сменяющие многоточие, по сути дублируют тот же стратегический ход, но акцентируют взволнованность рассказчика, поведавшего о необычайном и таинственном событии.

Примечателен хронотоп бунинского текста – «А в наше время...», который погружает слушателей в «реальные» события *нашего* времени, тем самым словно бы реинкарнируя былые впечатления, пробуждая в памяти ранее знакомые обстоятельства. Герои и слушатели, участники святочных посиделок, словно перемещаются из настоящего в прошлое, из Франции в Россию. Сопричастность и вовлеченность в происходящее психологически близки как автору, так и его читателям. Рассказ-*быль* о «моей родной тетке/дядьке» или о «наших» проказах словно переносит эмигрантов «в наше [= их] время», в покинутую Россию.

Речестилевая стихия рассказа «Святочный вечер»

Пересказ как форма построения рассказа позволяет И. Бунину быть свободным в выборе лексического ряда, близкого не столько Провансу, сколько Орловщине. Уже только названием и зачином задав ситуацию «святочного вечера», прозаик поддерживает знакомую атмосферу зимних посиделок простонародной лексикой, органично встраиваемой в «чужой» мистралевский текст.

Рассказ пронизан фразеологическими оборотами: «край света», «доверчивые души», «просто загляденье», «не тут-то было», «что есть мочи», «бог знает где», «как и не бывало», «как провалилась», «хохочет до упаду» (Бунин, 2005, с. 436, 438).

В историях используются постоянные эпитеты и устойчивые сравнения: «как снег, белая» (NB: с опрощающим определительным местоимением: «...вся, как снег, белая» (Бунин, 2005, с. 436)).

Грамматические формы, эксплуатируемые И. Буниным, подчеркнута нелитературны, намеренно архаизированы и стилизованы под русский фольклор: «на деревне», «из-под руки», «надбежит», «ловчей», «не давши пикнуть», «темь», «вскочут» (Бунин, 2005, с. 436).

В текст-пересказ вплетается специфическая российская лексика: «приблудная», «взовьется», «проклятое отродье», «такая-сякая» (Бунин, 2005, с. 436).

Междометные звукоподражательные обороты с акциональным значением получают видимый оттенок русскости: «цып, цып», «кудах-тах-тах», «шмыг», «скок», «глядь», «хрюк» (Бунин, 2005, с. 436). Как известно, звукоподражание в различных языках отражается по-разному. Так, например, кошек во Франции подзывают словом *ронрон* (*ronron*), французский петух кричит *кококорико* (*cocoricó*), свинья хрюкает *пахпах* (*pahpah*) (НФРРФС, 2003).

Отдельные паремические обороты сознательно искажаются И. Буниным (2005) в угоду простонародному духу: как, например, в выражении «в одно мгновение ока» (с. 436), где ощутимо наложение двух паремий: «в одно мгновение» и «в мгновение ока».

Несомненно, особого внимания в рассказе заслуживают образы пяти героев мистических историй – Белой Курицы, Черной Свиньи, Черной Кобылы, Черных Кошек и домовых.

В записи Ф. Мистралья *Белая Курица* – некая inferнальная сила, которая заманивает людей в темные леса, в глубокие овраги, в каменные горные ущелья. «Немало доверчивых душ заводила она чуть не на край света. Раз чуть было не завела мою родную тетку...» (Бунин, 2005, с. 436) – начинает свой рассказ провансальский сказитель.

В славянской (в том числе и в русской) традиции заманивают человека в лес, как правило, леший или кикимора, в редких случаях – медведь, в сказках – Баба-яга (Славянские древности, 2009). Фольклорные образы петуха и курицы на Руси имеют иную, более мягкую коннотацию. Если петух, пробуждающий своим звонким пением людей, извещающий о начале дня, обычно связывается с солнцем, с его восходом, с преодолением ночи дневным светом, то курица (особенно наседка) символизирует материнскую заботу, ассоциируется с материнской сущностью, с защитой потомства.

Примечательно, что в русской фольклорной традиции белый цвет всегда несет позитивный заряд – у Ф. Мистралья негативный.

Образ *Черной Свиньи* в пересказе И. Бунина (2005) – это образ мистического животного, насмехающегося над пьяными «ребятами, выходя[щими] из кабака ночью» (с. 436).

В культуре древних славян в свинью оборачивалась нечистая сила. Свинья считалась прежде всего символом плодородия и богатства (Славянские древности, 2009). В более поздние христианские времена свинья (= **кабан**) воспринималась нечистым животным и представляла как животное неопрятное, неряшливое, неразборчивое. И – что не менее важно – достаточно глупое, неразумное, вызывающее шуточки на себя, а не подшучивающее над другими.

В данном случае черный окрас свиньи, скорее всего, носит мимикрический характер: стремление не быть увиденной подвыпившими ребятами. Значения таинственной и пугающей злой силы в черном цвете (как традиционно бывает в русском фольклоре) у Ф. Мистралья нет или этот контент сильно ретуширован.

Образ *Черной Кобылы* сродни образу Черной Свиньи. Кобыла тоже становится участницей глупых шуток пьяных мужиков, гурьбой вывалившихся из кабака. И вновь мифический образ провансальского животного не находит корреляции в восточнославянской традиции. В русской ментальности образ коня или лошади в первую очередь связывается с представлением о верности и службе человеку, о героических событиях (если речь идет о битве, о военном походе). При внешнем сходстве Черная Кобыла далеко отстоит от образа вороного коня славянской мифологии.

Как известно, образ черной кошки, перебегающей русскому человеку дорогу, приносит с собой беду. Черные кот или кошка – спутники злой силы, перевоплощение нечистой силы. Образ *Черных Кошек* у Ф. Мистралья хотя и вбирает в себя отголоски славянской традиции, служит предупреждением об опасности, однако далек от их привычно-русской зооморфной сущности. Антропоморфные черты мистралевской Черной Кошки пугающие, угрожающие. Написание «Кошка» с большой буквы придает ее образу некий новый масштаб, указывает на преувеличенный размер персонажа.

Между тем если истории с Белой Курицей, Черной Свиньей, Черной Кобылой, Черными Кошками не имеют выразительных аналогов в русском фольклоре, их сакральная семантика не совпадает, то образ домового, завершающего рассказ, пересказан И. Буниным с большой теплотой и иронией.

Согласно русским преданиям, «домовой или хозяйинъ киветь во дворѣ у скотины или въ домѣ на вышкѣ. Онъ своею фигуурою похожъ на большака въ избѣ и во всемъ помогаетъ ему. Домовой рѣдко показывается на глаза челоуѣку. <...> Во дворѣ домовой ухаживаетъ за скотомъ, а особенно за лошадьми – холить ихъ, причесываетъ ихъ гриву, если ему лошади нравятся и, наоборотъ, всячески изводитъ лошадь, если ея шерсть не по нраву хозяина. Такую лошадь, сколько не корми, она все будетъ казаться худой и тощей...» (Славянские праздники про домового // Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 53. URL: <https://needlewoman.ru/articles/slavyanskie-skazki-pro-domovogo.html>).

И. Бунин (2005), несомненно, слышавший в детстве подобные истории о домовых, дополняет историю пристрастием домового – любовью к игре с конскими бубенчиками: «...они очень бубенчики любят»: «Зазвонит бубенчик на муле – и то-то домовому радость! Хохочет до упаду, и притом совершенно детским, прелестнейшим смехом. Многие из старых людей этот смех слышали, – говорят, нельзя от улыбки удержаться: так это у него весело, мило, сердечно выходит!» (с. 438).

И. Бунин взамен русского коня (или лошади) вслед за Ф. Мистралем вводит в текст мулу. Однако очарование домового от этого не исчезает – образ веселого и милого мифического существа завершает рассказ и оставляет впечатление давнего святочного вечера, который автор, его герой (герои) и их слушатели проводили с родными и друзьями на родине. Текстовая реальность наполняется нотками ностальгии.

Структурное членение рассказа

Вернемся еще раз к наблюдению о графическом выделении героев-рассказчиков. Вслед за А. В. Дынник (1931) (точнее – вслед за Ф. Мистралем) действительно можно говорить об одном герое-повествователе, ведущем свой рассказ и переходящем от одной истории к другой. Однако И. Бунин «расчленяет» текст, использует тире, заставляя (сознательно или бессознательно) предположить наличие множества (или хотя бы нескольких) героев-рассказчиков и их слушателей. Ибо если бы герой был действительно один, то правила пунктуации не требовали бы использования тире: речь одного и того же персонажа не предполагает графического выделения. То есть, на наш взгляд, Бунин намеренно отходит от французского претекста и привносит в него элементы, продуцирующие новые смыслы и суплементарные оттенки впечатлений. Сколько бы ни было рассказчиков – пять, три или два (не один) – главным для Бунина остается ситуация беседы (интерсубъектный диалог), условно ситуация *posidелок*, которые были знакомы ему (и его читателям) с юных лет и воспоминание о которых должны были пробудить в памяти эмигрантов «провансальские легенды» Ф. Мистрала. Речестилевое оформление пересказа обеспечивает и поддерживает смену перспективы восприятия, привносит в текст «русский дух».

В итоге пересказ И. Бунина обретает два кода восприятия, диффундирует. С одной стороны, прозаик не отходит далеко от текста «провансальских легенд», сохраняя их региональную самобытность, с другой стороны, Бунин, как нам представляется, избирает к пересказу именно этот, а не другой эпизод Ф. Мистрала потому, что он оказывается близок его отеческим воспоминаниям. Эмигрантское настоящее Бунина и его (по)читателей мотивировало прозаика обратиться к тем эпизодам провансальских записок, которые находили живой отклик в душах, сердцах, воспоминаниях русских эмигрантов. Атмосфера святочного вечера, зафиксированная Ф. Мистралем, оказывалась *генетически* близка Бунину и требовала поэтического отклика в его рассказах и пересказах. Таковым и оказался пересказ «Святочный вечер», напоминавший как самому Бунину, так и его соотечественникам-эмигрантам о счастливых таинственных вечерах зимних святочных гуляний на Руси. Модальная установка автора эксплицировалась в подтексте.

Проблемно-содержательное поле записей Ф. Мистрала, их смысловой пласт в малой степени интересовали И. Бунина, но французский фольклор в бунинском пересказе обрастал новыми коннотациями и становился своеобразным субститутутом родовой памяти писателя, подпитывал его витальность. Можно представить, что воспроизведенные в пересказе Бунина фрагменты провансальского фольклора в уединенном приальпийском Грассе провоцировали художника и его соотечественников живее вспоминать о России, активнее обращаться к памяти о родной земле.

Заключение

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос: по какой причине И. Бунин обратился к народным записям Ф. Мистрала, к чужому фольклору Прованса, – можно заключить, что ответ на этот вопрос (интерпретационный дискурс) кроется в ностальгических чувствах, которые никогда не оставляли писателя-эмигранта, в тех живых воспоминаниях, которые хранил в своем сердце отторгнутый от России художник и которые будили и поддерживали в нем фольклор и культура «второй родины».

Говоря о перспективе исследования, можно заметить, что в дальнейшем было бы важно провести непосредственный текстуальный анализ новеллы Ф. Мистрала и ее дословного перевода, который (в свою очередь) может быть сопоставлен со «свободным» пересказом, осуществленным И. Буниным, и на этом материале еще более детально проследить способы влияния фольклора на «переводной» текст Бунина.

Источники | References

1. Белозерова В. В. Художественные элементы зимних святок // Белозерова В. В. Традиционная культура Орловского края. Орел: Изд-во Орловского государственного университета, 2005.
2. Богданова О. В. «Темные аллеи» и другие рассказы И. А. Бунина. СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2021.
3. Богданова О. В., Лю М. Синтетическая матрица переводного рассказа И. Бунина «Юный пилигрим» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 12.
4. Дынник В. А. Предисловие к «Провансальским пересказам» Бунина // Литературное наследство / Академия наук СССР, Ин-т литературы, Пушкинский дом. М., 1931. Вып. 1.

5. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX вв. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1990.
6. Максимов С. В. По Русской земле / предисл., примеч. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
7. Марченко Т. В. Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся»: к интерпретации поздней бунинской прозы // Ежегодник Дома русского зарубежья. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.
8. Сливичкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2004.
9. Спивак Р. С. Энергожизнь рассказа И. Бунина «Темные аллеи» // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2010. Вып. 4 (10).
10. Строев А. Ф. К вопросу о восприятии И. А. Бунина во Франции в 1933 г. // Литературный факт. 2020. № 2 (16).
11. Ястребова Ю. В. Фредерик Мистраль. 100 лет признания // Древняя и новая Романия. 2014. Вып. 14.

Информация об авторах | Author information

RU Богданова Ольга Владимировна¹, д. филол. н., проф.
Лю Миньцзе²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

² Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

EN Bogdanova Olga Vladimirovna¹, Dr
Liu Minjie²

¹ A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg

² Far Eastern Federal University, Vladivostok

¹ olgabogdanova03@mail.ru, ² 1048795611@qq.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.12.2022; опубликовано (published): 31.01.2023.

Ключевые слова (keywords): И. Бунин; рассказ «Святочный вечер»; цикл «Провансальские пересказы»; система героев; фольклор; I. Bunin; short story “Yule Evening”; cycle “Provencal Tales Retold”; character system; folklore.